

ОБЩЕСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ в России

Лев Любимов,
заместитель научного руководителя
Государственного университета —
Высшей школы экономики

Нарастающая в российском обществе тревога в отношении постоянно снижающегося качества образования (общего и профессионального) не ведёт, однако, ни к каким заметным реакциям со стороны общества в целом, не отражается в таких формах, как обращения и письма в СМИ, в повестках дня митингов и собраний партий. По вопросам образования у российского общества нет единого «выразителя» его интересов, нет и лоббистов, по этим вопросам «народ безмолвствует».

Разовая ошибочная акция, затрагивающая интересы миллионов, может привести к разовым протестам (вспомним, например, митинги в связи с неудачными действиями по «монетизации» льгот). Однако создаваемая постоянным снижением качества куда более опасная ситуация с образованием, угрожающая историческим судьбам России, остаётся вне реакции общества в целом. Но на уровне семьи реакция есть, и она постоянно усиливается: сначала тысячи, затем сотни тысяч, а сегодня уже миллионы родителей выстраивают собственные образовательные стратегии для своих детей.

Они создают растущий спрос на внешкольные (частные) услуги, пытаются компенсировать снижение качества образования.

К сожалению, на уровне всего общества, на массовом уровне нет чётких представлений о реальном значении образования для общества и экономики, нет концептуальных, хотя бы самых общих знаний или представлений об образовательной системе, её особенностях, состоянии, процессах и о её «продукте». Очевидны, по крайней мере, две причины такого положения: многие десятилетия, взяв на себя образование детей, советское государство стремилось взять на себя и их воспитание. Поэтому у четырёх поколений взрослых это отчуждение создало поведенческий стандарт отношения к образованию как к государственной функции, как к общественному благу, которое они получали бесплатно и не вмешивались в процессы анализа и оценивания этого блага (примерно как и в случае с оборонными услугами: «нас охраняют, а как это делается — не нам судить»).

Надейся на себя

Государственный патернализм сегодня постепенно вытесняется новым отношением, которое можно определить как «надейся

на самого себя». Тем самым со стороны общества в целом отношение невмешательства замещается почти аналогичным нейтральным отношением. Но на уровне родителей отношение «надейся на самого себя» стало основной причиной развития рыночных отношений в общем образовании. Репетиторство, начавшееся как частный способ подготовки детей старших классов к поступлению в вузы, постепенно «опустилось» до начальной школы. Это случилось во многом благодаря естественной дифференциации школ по качеству услуг, что вызвало нарастающий спрос родителей на услуги лицеев, гимназий, школ с углублённым изучением учебных предметов, а в школах-«аутсайдерах» — на частные услуги более сильных учителей. «Продвинутые» школы ответили на такой спрос созданием легальных и нелегальных «барьеров на вход», создав свои или за получив санкционированные процедуры отбора детей. Да и многие местные административные и образовательные власти, осознавая крайнюю недостаточность выделяемых школам бюджетных ресурсов, пошли на создание института «дополнительных услуг», что хоть как-то облегчило материальное положение образовательных учреждений.

Выделение школ, создание в ряде регионов (в первую очередь в Москве и регионах-донорах) небольшой сети частных школ, не поддающееся общественному контролю репетиторство, бурное развитие школ-экстернатов, безусловно, усилили дифференциацию качества образовательных услуг и тем самым создали своего рода образовательно-качественный «апартеид». Хотя ни одному ребёнку доступ к школьному образованию не перекрыли, но само это образование по качеству оказалось существенно различным. Конечно, различным оно было всегда — и до 1917 года, и при советской власти. Но сегодняшний разрыв возник и нарастает параллельно и даже в чём-то пропорционально разрыву в доходах, а он огромен. Очевидно, что такой разрыв в сфере образования будет, в свою очередь, консервировать и разрыв в доходах, в социальном статусе, уровнях благосостояния и т.д. Это, к сожалению, может сделать постоянным большое поле социального напряжения, которое станет труднопреодолимым препятствием для гражданской интеграции. Можно с уверенностью сказать, что образовательная дифференциация всё более болезненно

ощущается подавляющим большинством общества, хотя видимого протеста с его стороны пока не вызывает. Однако вряд ли можно предсказать судьбу латентных норм недовольства, но в любом случае следует видеть в них нечто не меньшее, чем серьёзную угрозу внутренней стабильности.

Тенденции

В 1991 г. Российская Федерация — преемник Российской империи и СССР — получила в наследство образовательную систему, в которой отсутствовали демократические традиции. Одновременно она получила в наследство общество, депривированное от образовательных дел, своего рода образовательного иждивенца, считавшего, что его дело однажды привести ребёнка в первый класс, а второй раз — в университет или техникум. Обвальное создание в РФ институтов демократического общества и рыночной экономики при этом не сопровождалось либеральной подстройкой образовательной системы. Образовательные реформы декларировались, не затрагивая в общем образовании содержания, организации, технологий и, что самое важное, профессионального и мировоззренческого потенциала педагогического и административного персонала. Идеи реформ рождались вне общественного присмотра, не обсуждались даже в самом образовательном сообществе. Самое крупное, что было сделано в 90-е годы в общем образовании, связано с созданием группы элитных школ — лицеев и гимназий. Эта группа внесла свой вклад в существовавшую и при советской власти (но в существенно менее заметных формах) проблему образовательного неравенства.

Нейтральность российского общества в целом к образованию сохраняет национальную образовательную среду во многом нейтральной и к любым сигналам, касающимся образовательной сферы.

Нейтральность общества определяет его пассивность, неучастие (в лучшем случае слабую реактивность), тем самым не обеспечивая массовую поддержку идей приоритетности в решении проблем образования.

Было бы преувеличением сказать, что общества западных стран проявляют очень высокую активность в делах образования. Но в среднем их реакция, безусловно, более активна, а в некоторых странах общество весьма активно в постановке и решении образовательных проблем (Финляндия, Южная Корея, Япония, Сингапур, Австралия, Канада, Новая Зеландия). Эта активность через механизмы политических трансмиссий передаётся властям и воплощается в программных действиях административных и образовательных властей, трансформируя образование (прежде всего общее) в отрасль, создающую массового знаниевого работника. Можно без преувеличения сказать, что в этих странах властям удалось простимулировать активный интерес и отношение общества к образованию, обеспечить массовую поддержку крупным образовательным реформам и выйти на первые места в мире в общем образовании. Подтвердилось известное положение о том, что зрелости общества не надо ждать, её надо добиваться. В свою очередь, активность общества помогла властям преодолеть традиционную консервативность образовательного сообщества, которое под давлением общественной среды преодолело себя и вышло на уровень требований знаниевого общества. В эпоху становления инновационных экономик лидерами будут те страны, которые смогут эффективно трансформировать своё образование, вывести его из образовательной парадигмы индустриальной эпохи.

Российское образование находится именно в этой парадигме, но общество не видит пока в этом ничего опасного. Эта исторически тревожная ситуация, к сожалению, в России почти никем не замечается. Энтузиазм высшей власти, инициировавшей национальный проект «Образование», не транслируется в следующие властные эшелоны, «народ без-

молвствует», и всем кажется, что мы не только видим остроту проблем качества, доступности и эффективности, но и делаем всё необходимое для их решения. Между тем, поставив исторической целью движение к инновационной (знаниевой) экономике, мы не ощущаем, что бессмысленно проектировать систему, не проектируя индивида (гражданина) для этой системы, ибо или искомое общество будет состоять из искомых индивидов, либо это общество не возникнет.

Что действительно произошло в российском обществе в отношении образования, так это появилась новая массово признаваемая ценность — стремление большинства семей наградить своего ребёнка вузовским дипломом. Причин у этого явления много. Есть значительная часть семей, которые хотят дать своим детям хорошее образование, открывающее им путь к высокооплачиваемому рабочему месту. Для определённой части семей вуз стал местом, где ребёнок может избежать призыва в армию. Очень большая часть родителей направляет своих детей в вузы, причём на заведомо слабые в качественном плане программы, не дающие хороших профессиональных перспектив, поскольку видят в таком решении альтернативу начальному или среднему профессиональному образованию. Такие родители, как правило, исходят из того, что социальная среда даже слабого вуза (факультета) безопаснее социальной среды большинства профессиональных колледжей и ссузов, образовательные программы не сложнее программ ссузов, а получаемый диплом — вузовский (государственного образца). Значительная часть детей таких родителей могли бы стать успешными и высокооплачиваемыми «синими воротничками», но у общества сформировалось устойчивое отрицательное отношение к учреждениям начального и среднего профессионального образования. Осознавая, что этим детям не под силу нормальный вуз, их родители предпочитают слабые вузы, а экономика теряет столь нужный ей фонд «синих воротничков».

В обществах западных стран сформировано представление о том, что в сегодняшней экономике новые рабочие места открываются в сервисных секторах, и эти места требуют существенно более высокой подготовки, не ниже первого университетского диплома. Тем самым общепринятым стало мнение, что передовым экономике и обществу нужно в целом более «продвинутое» население. Поэтому огромная часть молодёжи идёт в университеты за «продвинутым потенциалом», который одинаково хорошо послужит тогда, когда он достанется и «белому воротничку», и «синему». И никто не мотивирован идти в университет для того, чтобы не попасть в армию или в колледж. Иными словами, абитура этих стран эффективна, она стремится к высокому индивидуальному потенциалу. У неё уже сформировано понимание того, что перераспределение знания может дать более высокие и устойчивые результаты в доступе к высокому уровню благосостояния, чем перераспределение богатства или власти. Есть и понимание того, что хорошее образование — это не только «инструмент» индивидуального социального лифта, но и условие исторической выживаемости страны. Речь, таким образом, идёт о широком общественном понимании экономической роли человеческого капитала, об образовании как основном ресурсе экономического роста, ключевом факторе распределения и перераспределения доходов.

Речь идёт также об общественном понимании того, что уровень образования индивида прямо влияет на продолжительность жизни, детскую смертность, рождаемость, демократизацию, политические права, политическую и социальную стабильность, качество окружающей среды и образовательные успехи детей. Криминальные анклавы Нью-Йорка — Гарлем и Бронкс — удалось превратить в обители среднего класса (хотя и его низшей ступени), в том числе, за счёт развития в них качественного образовательного потенциала. Образование тем самым подтвердило свою выдающуюся роль как главного ресурса создания социального капитала, преодолевающего маргинальную среду, крупную криминальную компоненту, асоциальное поведение населения. Даже в таких анклавах эффективная социально-образовательная политика способна менять культурный облик населения (особенно молодёжи),

вооружать её общепринятой в среднем классе речевой культурой, общим языком, формировать общепринятые культурные формы, чувство локальной общности, что улучшает эффективность коммуникаций, повышает информированность населения и молодёжи.

Сельская молодёжь

Этот пример общественно важен для любой страны, но особенно для России. При многочисленных попытках реформировать школьное образование некоторые предложения вызвали возражения потому, что они пока неосуществимы в сельской местности, и это, дескать, поставит сельских детей в неравное положение. Отметим, что у нашего общества существует явное непонимание ситуации не только с сельским образованием, но и с этой частью страны в целом (и вновь общество демонстрирует нейтральность в отношении одной из наиболее масштабных и трагических национальных проблем). В сельской местности у нас живёт едва ли не треть населения России. Сельская молодёжь чаще всего считает, что их будущая жизнь в сельской местности бесперспективна: здесь, как правило, пока нет перспективы достойных рабочих мест, нет достойной социальной инфраструктуры, нет перспектив улучшить качество жизни. Попытки лишь через образование создать перспективы для этих районов к успеху не приведут. Ни «ниточка» Интернета к одному или двум компьютерам в сельской школе, ни «лучшие в мире» «Пазики» и «Газели» для перевозки детей в эти школы, ни обеспечение одной молодой учительской семьи (из тысячи таких семей) жильём и «жигулёнками» ситуации с сельской местностью не изменят. Как и в случае с Бронксом или Гарлемом, нужна комплексная программа глубокой перестройки этой (частично маргинальной) части страны, с тем, чтобы к 2020 году, также как и во всей стране, наибольшая

часть населения в сельской местности стала частью национального среднего класса. Но, конечно, нынешнее поколение детей в «морозильную камеру хранения» на двадцать лет не сдашь: следовательно, нужны серьёзные, немедленные инвестиции в различные формы государственных образовательных учреждений и в персонал этих учреждений в этой местности. Ясно, что решение этой проблемы — дело общества и Правительства России.

Неравенство

Проблема неравенства в связи с образованием возникает не только из-за очень высокого неравенства в доходах, что само по себе определяет неравенство во всём. Богатые, оплачивая к издержкам на образовательные общественные блага (в любой форме — репетиторство, «устройство» детей в лучшие государственные и частные школы, организация своим детям летних семестров в западных странах и т.д.), создают своим детям лучшие стартовые позиции в дальнейшем распределении богатства и власти, лишая большинство молодёжи бесплатного социального лифта, отрезая большинство от будущего «членства» в среднем классе и оставляя им лишь ожидания. Неравенство в доступе к качественному образованию тождественно неравенству в доступе к качеству жизни, к растущему уровню жизни.

Очевидной тенденцией в России в последние годы стало растущее неравенство в ресурсообеспечении государственных образовательных учреждений. Причём это неравенство, возникнув внутри государственного финансирования, «удваивается» частным финансированием со стороны родителей. В этих учреждениях, где качество образования по понятным причинам оказывается выше, отбор детей начинает неизбежно включать и доходный ценз, и сильный фактор лоббирования. В ещё большей мере образовательное неравенство проявляется в высшем профессиональном образовании.

Наконец, следует особо сказать о том, что начиная с 1992 г., у России не было и нет утверждённой (и принятой обществом) государственной программы глубокой перестройки национального образования. В этот уже достаточно долгий период вместились годы «ухода государства из образования», «Доктрина национального образования», предложения по реформе образования, подготовленные, но не ставшие директивным документом, ЕГЭ, национальный проект «Образование», новые отдельные мероприятия (например, проект «Федеральные университеты»). «Доктрина национального образования» не стала документом, вызвавшим широкое доверие общества: в нём слишком много места заняли декларации и лозунги и слишком мало — понимание образовательной системы нации в контексте нового вектора исторического развития России. В этом документе нет даже упоминания инновационной экономики, основанной на знаниях, знаниевого общества, знаниевого работника и т.д.

Национальный проект «Образование» показал, что система неплохо реагирует на положительные сигналы. Проект получил политическую квалификацию приоритетного, но это квалификация, исходящая исключительно от Президента и его преемника. Не будь их инициативы и прямого участия, ни в обществе, ни на властных уровнях образование приоритетной сферой считать не стали бы. И не считают. Увы, советская традиция считать, что приоритет — это подводные лодки и танки, а образование — нечто, что финансируется по остаточному принципу, всё ещё жива. И хотя финансирование увеличивалось в темпе, удваивавшемся в три-четыре года, инерция общественного сознания оказалась значительной. Эта инерция, безусловно, мешает и сегодня созданию новой доктрины, комплексной долгосрочной программы, которые могут предельно широко обсуждаться как обществом, так и образовательным сообществом. **НО**